

© 2004 г. Ю. КАНЕКО, Е.В. ПЕТРУХИНА

АСПЕКТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМАХ РУССКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА)

1. ВВЕДЕНИЕ

В статье на основе сопоставления аспектуальных систем русского и японского языков анализируется взаимосвязь между аспектуальной семантикой глаголов (глагольных форм) и особенностями представления действий, процессов и состояний в русской и японской языковых картинах мира (ЯКМ).

Мы исходим из того, что система устойчивых представлений о мире, общих для данного этноса, отражается в семантической структуре и сочетаемости не только лексических, но и грамматических языковых единиц [Etnolinguistics 1979; Кубрякова 1988; Петрухина 1994; Language 1995; Вежицкая 1996]. Различия между языками в системах обязательных или частотных типовых смыслов – это проявление своего рода языковой относительности в сфере грамматики. При этом считаем важным подчеркнуть, что известная теория языковой относительности Сэпира – Уорфа с главным тезисом Б. Уорфа о лингвистической относительности общих представлений о мире, зависящих от национального языка, в современном языкознании формулируется не столь максималистски: языковые знания могут быть как универсальными, так и неуниверсальными, но универсальны сами когнитивные механизмы использования этих знаний при восприятии действительности, построении и интерпретации текста [Демьянков 1992: 52].

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

В данном разделе, анализируя специфику русской категории вида и, шире, аспектуальности, мы особое внимание уделяем тем признакам, которые важны для сопоставления темпоральной структуры глагольных действий в русском и японском языках. Результаты такого изучения могут послужить основой для дальнейшего исследования взаимодействия глагольных категорий вида, времени и модальности в русском и японском языках; иллокутивных, модальных и дискурсивных функций видов в русском языке на фоне соответствующих японских категорий.

Большинство лингвистов рассматривает глагольный вид в русском языке как грамматическую категорию, прежде всего на основании обязательности выражения вида, регулярности видовых противопоставлений, тесной связи с другими грамматическими категориями глагола. Основными типологическими особенностями русского глагольного вида являются, во-первых, возможность обозначения одной и той же денотативной ситуации двумя глаголами – совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида, имеющими одинаковое или сходное лексическое значение и трактуемыми как видовые пары; во-вторых, словообразовательный механизм видообразования и грамматические последствия префиксации и суффиксации глаголов – перфективация и имперфективация; в-третьих, ограничения на сочетаемость и употребление глаголов СВ, не использующихся в сочетании с фазовыми глаголами и для обозначения актуально

длящегося процесса, что объясняется семантически – характером категориального значения СВ (о различных точках зрения на русский вид см. [Петрухина 2000а: 45–73]).

По нашему мнению, достаточно исчерпывающе сущность русского глагольного вида отражает определение категориальной семантики видов, данное В.В. Виноградовым, которое строится с учетом восприятия действия говорящим. "...Основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, **сосредоточение внимания на одном из моментов процесса** (выделено нами. – Е.П., Ю.К.) как его пределе... Результат – это частный случай предела действия". НСВ обладает семантической двойственностью: с одной стороны, обозначает действие в его течении, "не стесненным мыслью о пределе процесса в целом", а с другой – "является основой, нейтральной базой видового соотношения" [Виноградов 1972: 394].

Из этого определения следует, что грамматический предел не исчерпывается понятием 'внутреннего предела'. Предел действия как категориальный видовой смысл в большинстве случаев тождествен временной границе действия – конечной (достижение которой у терминативных глаголов СВ обуславливает значение результата), или начальной (прежде всего у фазисно-временных дериватов, образованных от глаголов деятельности и гомогенных процессов типа *засуетиться, зашуметь*). Такое понимание предела, близкое его фазовому определению [Соколов 1988], все же не отражает в полной мере роли интерпретационного компонента в семантике глаголов СВ, которую подчеркивал В.В. Виноградов. Интерпретационный механизм видовой семантики позволяет актуализировать границы не только всего действия в целом, но и отдельных его этапов, определяемых частью объекта (*Он прочитал 30 страниц [и продолжал читать дальше]*) или отрезком времени (*Я проработал 10 лет на одном заводе [работаю там и сейчас]*). Кроме того, внимание может быть сфокусировано на пограничном результативном моменте, с позиции которого проводится ретроспективная оценка продолжительности или интенсивности действия, ср.: *Она застоялась перед витриной, надо ее позвать, мы не можем больше ждать*. В подобных дериватах СВ категориальное значение предельности комбинируется с оценочными словообразовательными значениями. Такая интерпретация категориальной сущности русского СВ отвечает определению комплетива в типологических исследованиях: "комплетив обозначает некоторую выделенную критическую точку в составе ситуации" [Плунгян 1998: 377].

Таким образом, СВ фокусирует внимание на одном из пределов (моментов, границ) действия, как правило, конечном или начальном, исключая тем самым возможность представления действия в процессе протекания, т.е. предполагая ретроспективную или проспективную точку отсчета по отношению к самому действию [Падучева 1986]. НСВ, не актуализируя предела или пределов действия, не препятствует представлению действия синхронно с точкой отсчета, процессуально. Процессуальность – это выделение срединной фазы действия в динамике его протекания во времени, от прошлого к будущему [Кошмидер 1962: 145; Бондарко 1971: 118]. Актуализация одного из неопредельных моментов действия связана с представлением о его длительности и локализованности на временной оси.

В зарубежной лингвистике для обозначения идеи предела используются разные термины: "boundness", "telicity", "limit", "terminativity" [Durst-Andersen 1992: 31]. Эти термины, так же как и русский термин "предельность", отражают два уровня аспектуальной категоризации – лексический и грамматический, что порождает неоднозначность формулировок, которая анализируется в целом ряде работ [Бондарко 1991; Мелиг 1995]. Считаем целесообразным "развести" терминологически предельность лексическую, отражающую денотативные свойства обозначаемой ситуации, названной данным глаголом, и предельность грамматическую, представляющую особый, грамматический уровень категоризации действия с точки зрения его протекания во времени. Предельность на лексическом уровне мы рассматриваем как **терминативность/нетерминативность**. Признаки терминативности/нетерминативности тесно связаны с оппозицией гетерогенности/гомогенности действия. Гомогенные си-

туации типа *спать, лежать, шуметь*, одинаковые на любом по продолжительности отрезке их существования, ср. [Vendler 1967: 101; Маслов 1948; Мелиг 1995], нетерминативны, то есть в своем лексическом значении соответствующие глаголы не содержат указания на предел действия. Гетерогенные действия неоднородны: часть действия не равна всей динамической ситуации в целом. Например, *шить костюм* предполагает ряд операций, объединенных общей целью – созданием нового объекта: костюма. Каждая операция в отдельности (например, кройка материала, пришивание пуговиц и т.д.) не равна всей ситуации. Но по одной из операций мы можем назвать все действие в целом, если имеем в виду цель, на которую оно направлено [Падучева 1996а: 17]. Гетерогенные ситуации, как правило, терминативны, то есть имеют контуры во времени и предел в своем развитии (ср. *падать, строить*). В русском языке оппозиции гетерогенности/гомогенности, терминативности/нетерминативности являются семантической базой аспектуальной системы русского глагола, так как видовые пары составляют прежде всего гетерогенные терминативные глаголы (ср. *падать – упасть, строить – построить, резать – разрезать, создавать – создать, переписать – переписывать*).

На грамматическом уровне предельность, то есть актуализация одного из временных пределов действия, является категориальным значением СВ, которое в зависимости от лексического значения глагола и его словообразовательной структуры в тексте реализуется в виде семантических признаков завершенности, результативности, однократности, начинательности (или их комбинации). Наиболее частотные смыслы, предлагаемые в славистике для определения категориальной семантики СВ и, соответственно, всей категории в целом, – это предел, целостность, завершенность, результат, смена ситуации, начало новой ситуации. С нашей точки зрения, они отражают разные стороны одного концепта – предела как временной границы между ситуациями, которая может рассматриваться как "изнутри", со стороны самого действия (ср. завершенность, результат), так и "снаружи", с точки зрения соотношения данного действия с другими смежными во времени ситуациями (смена ситуации, начало новой ситуации). НСВ, не актуализируя предела или пределов действия, не препятствует представлению действия синхронно с точкой отсчета, то есть либо процессуально, либо как неограниченное повторение однородных действий.

Таким образом, в русском языке при выражении динамических явлений особой значимостью обладает концепт '**временной границы, или временного предела ситуации**', который выступает как семантическая доминанта в русской аспектуальной системе и, возможно, в русской ЯКМ (семантические доминанты представляют собой фундаментальные идеи, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознанности [Падучева 1996б; Петрухина 2003]). Оппозиция предельности/непредельности получила статус категориальной как в грамматике, так и в лексике и словообразовании, являясь концептуальной основой не только грамматической категории вида, но и лексико-грамматических разрядов терминативных глаголов и фазисно-временных способов глагольного действия (с приставками *за-, по-, про-, от-* и др.). Важно отметить, что словообразовательная семантика русских производных глаголов, выражающих временные границы деятельности и процесса при помощи приставок (*за-, по-*) подвергается грамматикализации, приобретает в определенных типах контекста некоторые черты, свойственные грамматическим значениям, а именно обязательность и пониженную интенциональность [Бондарко 1994] употребления. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в русских претеритальных повествовательных текстах отмечается достаточно высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов СВ с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*. Ср.: *Иван Францевич прямо-таки остолбенел и даже руками замахал (?махал), словно хотел сказать: "Свят, свят! Изъиди,*

Сатана!" Эраст Петрович засмеялся... (?смеялся) (Акунин); *Преодолевая слабость, он поднялся со скамьи и рывками... стал пробовать* (?пробовал) *открыть окно вагона* (Пастернак). Глаголы НСВ при повествовании в плане прошедшего времени характеризуются, как правило, стилистической маркированностью, см. [Гловинская 2001: 187–191].

3. АСПЕКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

3.1. Общие замечания. В японской лингвистике аспектуальная проблематика, активно изучаемая с начала 50-х годов, в настоящее время исследуется в работах целого ряда японских ученых (М. Иноуэ, М. Кудо, К. Оноэ, Я. Окуда, С. Судзуки и др.). Многие вопросы японской аспектологии остаются открытыми, дискуссионными. Среди исследователей нет единого мнения в вопросе о существовании отдельной грамматической категории аспекта японского глагола; нет общепризнанной системы форм, составляющих данную категорию; дискуссионным остается вопрос о специфике грамматического значения отдельных глагольных форм [Киндаити 1976; Окуда 1978; Оноэ 2001; Иноуэ 2001]¹.

В японской аспектологии чаще всего обсуждаются следующие четыре формы: (1) *-У/РУ*², (2) *-ТА/ДА*, (3) *-ТЭ/ДЭ ИРУ* и (4) *-ТЭ/ДЭ ИТА*. Кроме того, в японском языке существует богатая система сложных глаголов, выражающих разные характеристики протекания действия во времени и прагматического отношения говорящего к этому действию, причем статус таких сложных глаголов в японском языке трактуется по-разному. Рассмотрим последний вопрос подробнее.

3.2. Сложные глаголы с точки зрения их аспектуальной грамматикализации (по работам японских лингвистов). Сложные глаголы по своей структуре разделяются на два типа глаголов, в состав которых входят: (а) корень глагола + элемент *-ТЭ/-ДЭ*³ + вспомогательный глагол (*-ИРУ*, *-АРУ*, *-ОКУ*, *-СИМАУ*, *-ИКУ*, *-КУРУ*, *-МИРУ*); (б) корень глагола + вспомогательный глагол (*-ХАДЗИМЭРУ*, *-ДАСУ*, *-ЦУДЗУКЭРУ*, *-ОВАРУ*) и др.

Все вспомогательные глаголы могут функционировать и как знаменательные: *ИРУ* 'быть, находиться (о человеке или животном)', *АРУ* 'быть, находиться (о неодушевленном предмете)', *ОКУ* 'класть', *СИМАУ* 'заканчивать', *ИКУ* 'пойти', *КУРУ* 'приходить', *МИРУ* 'смотреть'; *ХАДЗИМЭРУ* 'начинать', *ДАСУ* 'выводить', *ЦУДЗУКЭРУ* 'продолжать', *ОВАРУ* 'заканчивать'.

Приведенные выше сложные глаголы различаются степенью грамматикализации, что связано со степенью утраты вспомогательным глаголом лексического значения: наиболее грамматикализованными считаются сложные глаголы типа *-ТЭ ИРУ*, *-ТЭ АРУ*, *-ТЭ СИМАУ*, *-ТЭ КУРУ*, *-ТЭ ИКУ*; в меньшей степени грамматикализованными – сложные глаголы на *-ХАДЗИМЭРУ*, *-ДАСУ*, *-ЦУДЗУКЭРУ*, *-ОВАРУ*, *-ЯМУ* и др. [Тэрамура 1984: 117]. При этом Х. Тэрамура считает спрягаемые формы на *-РУ* и *-ТА*⁴ грамматическими, тогда как сложные глаголы, по его мнению, находятся в процессе грамматикализации [Тэрамура 1984: 118].

¹ Разные точки зрения японистов на временные (или видо-временные) формы подробно рассматриваются в монографии Н.А. Сыромятникова [Сыромятников 1971].

² Фонетические варианты форм *-РУ/-У*, *-ТА/-ДА* или *-ТЭ/-ДЭ ИРУ (-ИТА)* зависят от спряжения. В дальнейшем мы представляем эти формы по одному из вариантов как *-РУ*, *-ТА*, *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ ИТА*.

³ Элемент *-ТЭ/-ДЭ* у разных исследователей трактуется по-разному. Мы условно называем его соединительным элементом – он объединяет две морфемы: смысловой и вспомогательный глаголы. Соответственно конструкции с этим элементом рассматриваются нами как своего рода сложные глаголы.

⁴ Формы на *-РУ* и *-ТА* рассматриваются в японской лингвистике как формы простых глаголов.

Некоторые японские лингвисты к грамматическим, помимо форм на *-РУ* и *-ТА*, относят также формы на *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ ИТА*. Соответственно система аспектуальных форм предстает следующим образом: 1) базовые аспектуальные формы, состоящие в оппозиции *-РУ(-ТА)*, *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*; 2) периферийные формы *-ТЭ АРУ*, *-ТЭ ОКУ*, *-ТЭ СИМАУ*, *-ТЭ КУРУ*, *-ТЭ ИКУ* и др. и 3) сложные глаголы с фазовыми элементами *-ХАДЗИМЭРУ*, *-ЦУДЗУКЭРУ*, *-ОВАРУ* и др. [Нитта 1993: 32; Кудо 1986: 40].

О разной степени грамматикализации рассмотренных выше форм свидетельствуют также следующие факты. Аспектуальные значения, выраженные большинством сложных глаголов, нередко сопровождаются различными модальными смыслами, вносимыми лексическим значением вспомогательного глагола. Поэтому они могут передавать не только аспектуальную семантику, но и такие значения, как значение подготовки (*-ТЭ ОКУ*), попытки (*-ТЭ МИРУ*), оценку необратимости результата совершенного действия (*-ТЭ СИМАУ*). Форма на *-ТЭ АРУ*, которая вслед за формой на *-ТЭ ИРУ* нередко считается собственно видовой, осложнена значением пассивности (см. примеры приведенные ниже: 1б, 2б, 3б, 4б). В отличие от них, формы на *-РУ*, *-ТА*, *-ТЭ ИРУ*, *-ТЭ ИТА*, не имеют никаких добавочных значений, они без модальной оценки выражают основные аспектуальные значения (см. примеры: 1а, 2а, 3а, 4а):

- 1а. *Мадо-га аитЭ ИРУ* – *Окно открыто* (констатация состояния, результатив);
- 1б. *Мадо-га акЭТЭ АРУ* – *Окно открыто* (кем-то – акциональный пассив);
- 2а. *Карэ-ва нюгакусикэн-ни отиТА* – *Он провалился на вступительных экзаменах*;
- 2б. *Карэ-ва нюгакусикэн-ни отиТЭ СИМАТТА* – *Он провалился на вступительных экзаменах (к сожалению)*;
- 3а. *Карэ-ва бара-но ниои-о кацДА* – *Он понюхал розу*;
- 3б. *Карэ-ва ниои-о кацДЭ МИТА* – *Он принюхался* (букв.: 'попробовал понюхать');
- 4а. *Ватаси-ва мадо-о акЭТА* – *Я открыл окно*;
- 4б. *Ватаси-ва мадо-о акЭТЭ ОИТА* – *Я открыл окно* ('для кого-то или для чего-то в будущем').

Форму на *-ТЭ ИРУ* образуют практически все глаголы [кроме *иру* ('быть' об одушевленном), *ару* ('быть' о неодушевленном) и еще нескольких глаголов], независимо от того, являются ли они переходными или непереходными, в то время как формы на *-ТЭ АРУ* образуются в основном от переходных глаголов (*каитэ ару* 'написано', *нитэ ару* 'сварено'), а форма на *-ТЭ ОКУ*, *-ТЭ МИРУ* образуется только от глаголов со значением целенаправленных действий и деятельности.

Из вышесказанного вытекает, что среди всех сложных глаголов аналитическую форму на *-ТЭ ИРУ* можно рассматривать как наиболее "чистый" показатель аспектуальности – прежде всего по регулярности формообразования и по отсутствию связи с модально-прагматическими смыслами.

3.3. Российские японисты об аспектуальной системе японского языка. В российской японистике также нет единого мнения о категории аспекта в японском языке. Набор "японских видов" у разных исследователей варьируется. В основном обсуждаются следующие формы: *-ТЭ ИРУ* под названием "длительного вида" – [Головнин 1954; Фельдман 1960; Сыромятников 1971; Лаврентьев 1998; Данилов 2001]; *-ТЭ АРУ* как "результативный вид" [Лаврентьев 1998; Данилов 2001]; *-ТЭ СИМАУ* – *intensivum perfectum* [Холодович 1941], "совершенный вид" [Фельдман 1960], "завершительный вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ ОКУ* – "совершенный вид" [Конрад 1937], "вид длящегося результата" [Фельдман 1960], "целевой вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ МИРУ* – "аттемптивный вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ ИКУ* – "дистантивный вид" [Данилов 2001]; *-ТЭ КУРУ* – "аппроксимативный вид" [Данилов 2001]⁵. Б.П. Лаврентьев [1998] отно-

⁵ В рассмотренных пособиях кроме сложных глаголов "видами" называются такие конструкции, как *-(ТА)РИ СУРУ* – "итератив" [Фельдман 1960], "репрезентативный или многократный вид" [Лаврентьев 1998]; *-ЦУЦУ АРУ* – "длительный вид" [Лаврентьев 1998].

сит формы на *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ АРУ* к основным видам, а формы на *-ТЭ СИМАУ*, *-ТЭ ОКУ*, *-ТЭ МИРУ* и др. к "подвидам". Рассматривая подробно последние три формы, В.М. Алпатов отмечает, что "...и в отечественной традиции, начиная с Е.Д. Поливанова [Поливанов 1917: 77; Плетнер, Поливанов 1930: 87–88], данные формы (по крайней мере, с *оку* и *симау*) относили к видовым, хотя нередко встречалось стремление "подогнать" их значение к значению русского СВ, что неточно. Мы не настаиваем категорически на отнесении данных форм к видовым: во многом это вопрос чисто терминологический" [Алпатов 1998: 28–29], см. также [Алпатов 1984]. Сложные глаголы типа *-ХАДЗИМЭРУ* 'начинать что-то делать', *-ОВАРУ* 'кончать что-то делать' и др. обычно рассматриваются как лексико-словообразовательные средства, передающие аспектуальные фазовые значения [Лаврентьев 1998: 136].

В.М. Алпатов также подробно анализирует семантику форм на *-ТЭ ИРУ* и на *-ТЭ АРУ*, которые он определяет как особый класс "вспомогательных глаголов длительности состояния" [Алпатов 1986: 16]. При этом формы на *-ТЭ ИРУ* и на *-ТЭ АРУ* в зависимости от семантики смыслового глагола выражают либо длительность состояния, созданного процессом, либо длительность совершения процесса [Алпатов 1986: 17–18].

3.4. Краткие выводы. Итак, богатая система сложных глаголов позволяет выражать в японском языке разнообразные аспектуальные и оценочные характеристики действия и его результата: фазовые, оценочно-интенсивные, оценку результата (в частности, его необратимость), значение попытки и др. Сложные глаголы отличаются друг от друга степенью регулярности формообразования и степенью сохранения лексического значения вспомогательного глагола, т.е. степенью грамматикализации. В наибольшей степени грамматическими, по мнению большинства исследователей, в японском языке являются простые глагольные формы на *-РУ (-ТА)* и сложные глаголы на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*, составляющие оппозицию.

В связи с этим грамматическая аспектуальная система часто представляется как оппозиция грамматических форм, с одной стороны, "завершительного вида (completive aspect)" настоящего-будущего времени *-РУ* и прошедшего времени *-ТА* и, с другой – форм "длительного вида (continuous aspect)" настоящего времени *-ТЭ ИРУ* и прошедшего времени *-ТЭ ИТА*⁶. С учетом временной системы, которая состоит из оппозиции форм прошедшего и настоящего-будущего времени, получается четыре видо-временные формы – *-РУ*, *-ТА*, *-ТЭ ИРУ* и *-ТЭ ИТА*, которые формируют видо-временную систему японского языка (см. Таблицу 1).

Таблица 1 (см. [Кудо 1995: 36])

Аспект \ Время	Завершенный аспект	Длительный аспект
Настояще-будущее время	<i>суРУ</i> ⁷	<i>сиТЭИРУ</i>
Прошедшее время	<i>сиТА</i>	<i>сиТЭИТА</i>

⁶ Наша трактовка аспектуальной семантики форм на *-РУ* и *-ТЭ ИРУ* в их соотношении с русскими видами подробно излагается в разделе 5.

⁷ Японские глаголы спрягаются по 5-н основам (словарной, срединной, отрицательной, условной и вероятно-пригласительной) [Данилов 2001: 20]. У большинства глаголов формы этих основ не совпадают. У некоторых глаголов формы основ совпадают, например, основа *ми* ('смотреть'), ср.: *миРУ*, *миТА*, *миТЭ ИРУ*, *миТЭ ИТА*. Традиционно в качестве представителей рассматриваемых форм в японском языке используется глагол *суру* 'делать - сделать', основы которого в данных формах меняются: *суРУ*, *сиТА*, *сиТЭ ИРУ*, *сиТЭ ИТА*.

В самом выделении бинарной оппозиции завершённого и длительного аспектов, напоминающей противопоставление совершенного и несовершенного видов в славянских языках, на наш взгляд, прослеживается влияние славянской аспектологии.

Оппозиция форм на *-РУ* и форм на *-ТЭ ИРУ* реализуется также в выражении таксисных отношений. Употребление форм на *-ТЭ ИРУ* характеризует одновременность явлений или действий (пример 5), а форм на *-РУ* – последовательность событий (пример 6).

5. *Соно хи боку-ва докока такитона басё-дэ хон-дэмо ёмо то рока-о уроуросиТЭ ИТА. Раундзи-но нэису-дэва одзисан-га ияхон-дэ радио-о киТЭ ИТА. Онгакусицу-дэва мада нидзюдаи-ни мизэру дзёсэ-га кёсокубон-о мэкурунагара гита-о хиТЭ ИТА* (Огава) – *В тот день я слонялся по коридорам, подыскивая, где бы почитать книжку. В комнате отдыха старик, лежа на кушетке, слушал через наушники радио. В музыкальном зале девушка лет двадцати с небольшим играла на гитаре, перелистывая страницы пособия* (перевод: Розанова).

6. *Ватаси-ва сандару-о хайтэ, поти-ни ориТА. Соситэ сёкудзитю-но ину-ни тикаётТА.* (Ямада) – *Сунув ноги в шлепанцы, я ступила на земляной пол прихожей и подошла поближе к жевавшему псу* (перевод: Дуткина).

Наибольшее внимание в японской и российской лингвистике уделяется формам на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* как маркированным и в наиболее явном виде передающим аспектуальную семантику: в данных формах реализовано размежевание темпоральных (формальные показатели *-РУ* и *-ТА*) и аспектуальных (формальные показатели *-ТЭИ-*) значений, тогда как в формах *-РУ* (а также *-ТА*) аспектуальная семантика неразрывно связана с темпоральной в одном формальном показателе.

4. СЕМАНТИКА ФОРМ НА *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*

4.1. Роль формы на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* в аспектуальной классификации японских глаголов. Отношение к форме на *-ТЭ ИРУ* – способность к ее образованию и семантика данной формы, является основным критерием для классификации японских глаголов. На основе этого японские глаголы делятся на три группы. Одну группу составляют глаголы состояния, которые не образуют форму на *-ТЭ ИРУ*: ср. *ару* 'быть, находиться (о предмете)', *иру* 'быть, находиться (о человеке)', *дэкиру* 'мочь, уметь', *о:сугиру* 'быть в чрезмерном количестве' и т.п. Две другие группы глаголов образуют формы на *-ТЭ ИРУ*, различаясь при этом семантикой данных форм.

Глаголы первой группы (типа *сиру* 'знать-узнать') в японской традиции называются глаголами **моментального**⁸ действия (по терминологии Х. Киндайти), или глаголами изменения [Судзуки 1972; Окуда 1977, 1978; Кудо 1982, 1995]. В форме на *-ТЭ ИРУ* они выражают состояние как результат предшествующего действия. К этой группе глаголов относятся такие глаголы, как *сину* 'умирать', *киру* 'надевать', *каваку* 'сохнуть, сушиться', *нурэру* 'промокать', *хадзимару* 'начинаться', *футору* 'толстеть', *кусару* 'гнить' и др.

Глаголы второй группы называются глаголами **процессуального** действия, потому что в форме на *-ТЭ ИРУ* они, в отличие от предыдущей группы, могут выражать процесс самого действия. К этой группе относятся глаголы *ёму* 'читать', *каку* 'писать', *вару* 'смеяться', *ханасу* 'говорить', *утау* 'петь', *табэру* 'есть', *татэру* 'строить' и др.

Необходимо отметить, что классификацию японских глаголов на основе семантики их форм на *-ТЭ ИРУ* нельзя назвать строгой. Многие процессуальные глаголы, которые часто употребляются для обозначения актуального процесса (ср. пример 7а), при поддержке контекста могут иметь и перфектное значение (7б), а некоторые так

⁸ Термин "моментальные глаголы" здесь подчеркивает не моментальность совершения самого действия, а моментальный переход субъекта из одного состояния в другое.

нашаемые моментальные глаголы, выражающие обычно результирующее состояние (гр. Ки), также при поддержке контекста могут развивать процессуальное значение (КВ).

7а. *Карэ-я има хон-о ёндэ ИРУ. Он читает книгу;*

7б. *Соно хон-ва моу ёндэ ИРУ. Я уже прочитал эту книгу;*

8а. *Хаха-ва кё: кимоно-о китэ ИРУ. Мать сегодня одела кимоно;*

8б. *Хаха-ва има никаи-дэ кимоно-о китэИРУ. Мать сейчас одевается в кимоно на втором этаже.*

4.2. Форма на -ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА) и результив. Анализу значения и употребления форм на -ТЭ ИРУ (а также -ТЭ АРУ) большое внимание уделял А.А. Холодович, но с точки зрения не категории аспектуальности, а категории результива. На основе общей семантической черты форм -ТЭ ИРУ и -ТЭ АРУ, выражающих результирующее состояние, А.А. Холодович объединил их в одну категорию результива. Эта же категория стала объектом типологического исследования в коллективной монографии "Типология результивных конструкций" [ТРК 1983].

Результивом А.А. Холодович называет форму, обозначающую единственное состояние, возникшее в результате естественного завершения предшествующего действия (предельного процесса) [Холодович 1979: 138–139] (ср. "Результивом именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие" [ТРК 1983: 7]). В зависимости от того, какому участнику в ситуации приписывается результивное состояние, А.А. Холодович выделил три результива: субъектный (см. пример 9), объектный (10) и локативный (11).

9. *Боку-ва гайто:-о китэ ИРУ 'Я (надел пальто и сейчас) в пальто';*

10. *Рампу-ва какэТЭ АРУ 'Лампа повешена (и висит)';*

11. *Кисэн-ва яку-о носэТЭ ИРУ 'Пароход имеет на себе пассажиров' – локативный результив [Холодович 1979: 141].*

При этом А.А. Холодович отмечает, что "все глаголы японского языка способны образовывать особую аналитическую форму, признаком которой является постпозитивное *иру*: *ёндэ иру* (*ёндэ* в лексическом отношении соответствует рус. 'читать'), *каитэ иру* (*каитэ* – рус. 'писать'), *синдэ иру* (*синдэ* – рус. 'умирать'), *китэ иру* (*китэ* – рус. 'приходить'). У этой формы два грамматических значения S_1 (актуально-длительное. – Ю.К., Е.В.) и S_2 (результивное. – Ю.К., Е.В.), которые являются несовместимыми и распределенными: у глаголов типа *ёндэ*, *каитэ* грамматическая форма имеет одно значение, у глаголов типа *синдэ*, *китэ* та же грамматическая форма имеет другое значение. Первое значение является континуативным (длительность процесса или состояния), другое – перфектным (состояние как результат действия); ср.: *ёндэ иру* 'читает', *каитэ иру* 'пишет', *но синдэ иру* 'умер и теперь мертв', *китэ иру* '(пришел и теперь) находится здесь'. Из сказанного вытекает, что по признаку распределения континуативного и перфектного значений данной грамматической формы все глаголы японского языка распадаются на два подкласса А и Б; общим свойством глаголов подкласса А (их можно назвать непредельными) является способность образовывать указанную форму с континуативным значением, общим свойством глаголов подкласса Б (их можно назвать предельными) является способность образовывать указанную форму с перфектным значением" [Холодович 1979: 232].

Приведенное рассуждение А.А. Холодовича свидетельствует о том, что к предельным глаголам (глаголам действия с одной степенью свободы), он, по сути дела, относит ряд так называемых моментальных глаголов (или глаголов изменения состояния) типа *сину* 'умирать', *куру* 'приходить', а непредельными глаголами (глаголами действия со многими степенями свободы) считает в частности глаголы *ёму* 'читать', *каку* 'писать'. Проблема заключается в том, что глаголы *куру* 'приходить', *киру* 'одевать' объединяются в классе моментальных глаголов с такими глаголами как *сиру* 'знать', *нэру* 'спать', *сувару* 'сидеть'. Более того, многие моментальные глаголы в форме на -ТЭ ИРУ функционально соответствуют русским прилагательным, например, глагол *футору* 'потолстеть' – *футотТЭ ИРУ* 'толстый', *ёгорэРУ* 'загрязниться' – *ёгорэ-*

ТЭ ИРУ 'грязный'. Создается впечатление, что трактовка предельности А.А. Холодовичем, основанная на материале японского языка, несколько отличается от трактовки этого понятия в славянских языках, предложенной Ю.С. Масловым [1963: 7, 1978: 12—17] и А.В. Бондарко [1987: 45—63].

Вопрос об определении категориального значения формы на *-ТЭ ИРУ* остается открытым. В зависимости от семантики глагола и контекста она может выступать 1) в актуально-процессном значении (в континуативном, по терминологии А.А. Холодовича); 2) как результатив (см. приведенные примеры); 3) как статив, который "сообщает только о состоянии предмета" [ТРК 1983: 7], или квазирезультатив (по терминологии А.А. Холодовича)⁹, ср.: *ниТЭ ИРУ* 'он похож на...', *ки-га татТЭ ИРУ* 'дерево стоит'. Кроме того, эта форма может иметь и другие значения; 4) повторяющегося действия (*Карэ-ва маиаса гю:ню-о нонДЭ ИРУ* 'Он пьет молоко каждый день'); 5) перфектное значение, т.е. данная форма, обозначая прошедшие действия, указывает на некоторый "отзвук" этих действий в более позднем временном плане (ср. [Маслов 1983: 42; Недялков 1988: 223—224]): *Тити-ва даинидзи сэкаитаисэн-дэ накунаТЭ ИРУ* 'Отец погиб во Второй мировой войне'; *Ханнин-ва кино:-но 3 дзи-ни кокодэ сэ-кудзи-о сиТЭ ИРУ* 'Преступник обедал здесь в 3 часа вчера' (например, в рассуждении следователя, который обдумывает данные факты). Изучив типологию форм прогрессивных и перфектных значений в разноструктурных языках, И.В. Недялков отметил, что совмещение двух значений – прогрессива и перфекта/результатива, в одной форме наблюдается также, кроме японского, в монгольском, карачаевском, китайском, узбекском, нивхском и некоторых других языках [Недялков 1988: 225].

Рассмотрим данные дискуссионные вопросы подробнее, анализируя место форм на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* в японской аспектуальной системе и сопоставляя значения основных японских аспектуальных форм с семантикой глаголов совершенного и несовершенного вида в русском языке.

5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯПОНСКИХ ФОРМ НА *-РУ(-ТА), -ТЭ ИРУ(-ТЭ ИТА)* И РУССКИХ ВИДОВ

Формы на *-РУ* и *-ТА* в японской аспектологии многие лингвисты называют завершенным аспектом, что порождает ассоциации с русским СВ. Но в соотношении данных русских и японских аспектуальных форм больше различий, чем сходств.

В функциональном отношении японским формам *-РУ/-ТА* действительно часто соответствуют русские глаголы СВ, особенно в повествовательных текстах (см. примеры 2а, 3а, 4а). Ср. также:

12. *Боку-ва.....табако-о торидаси, марудэ обоз-но наи камиматти-о суттэ хи-о цукэТА* [зажигать-ТА].....*Соситэ мурасакиширо-но кэмури-га аса-но хикари-но накаи кикагаку-тэкина моё:-о каиТА* [рисовать-ТА]. (Мураками) – Я извлек из кармана сигареты.....и **прикурил от спичек, происхождение которых не помнил.....Сиреневый дым растекся в утренних лучах абстрактными узорами** (перевод: Коваленин);

13. *Боку-ва.....кабэ-но дэнкидокэ:-о миагэТА* [смотреть вверх-ТА]. *Сорэкара мо: итидо айбо:-о миТА* [смотреть-ТА]. (Мураками) – Я.....**поднял взгляд к часам на стене и снова уставился на своего напарника** (перевод: Коваленин).

Но данные японские формы, в отличие от русского СВ, являются в оппозиции с формой на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* **немаркированными**. Поэтому при поддержке контекста они могут обозначать и длительное действие, функционально соответствуя русским глаголам НСВ. Тип выражаемого аспектуального значения можно определить как "вложенность ситуации в фоновое время" – "ситуация началась и закончилась на протяжении фонового отрезка времени" [Плунгян 1998: 378—379], при этом завершен-

⁹ Речь идет о форме "выражения состояния, не предполагающего предшествующего ему процесса, иными словами специфическая форма выражения квалитатива. Такие результаты мы будем называть субъектными квазирезультативами" [Холодович 1979: 157].

ность ситуация не связывается с критической точкой – достижением определенного результата, и ее временные границы никак не обозначены. Ср.:

14. *Ватаси-ва асу ани-ни нагаи тэгами-о какУ. Дэмо каниоэру ка до:ка вакаранаи. – Я завтра буду писать большое письмо брату. Но не знаю, допишу ли я его;*

15. *Карэ-ва асу итинитидзю: бутай-дэ одорУ. – Он завтра будет танцевать на сцене целый день;*

16. *Боку-ва китакуситэ, тити-ни тэгами-о каиТА. Какитай кото-га такусан арисугитэ кэккёку каки-оваранакатта. – Я пришел домой и стал писать письмо отцу. Но столько всего хотел написать, что не дописал его до конца.*

Таким образом, немаркированная форма на *-РУ/-ТА* в зависимости от контекста может обозначать как конец действия, так и его начало или процесс, иными словами, иметь те аспектуальные значения, которые выражены контекстом. Но важно подчеркнуть, что, если в контексте указан конкретный момент, в который данное действие происходило или будет происходить, употребление форм на *-РУ/-ТА* невозможно: актуальный процесс или состояние может быть выражено только формами *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*, например:

17. *Кичо: карэ-га дэнва-о какэтэкита токи, ватаси-ва ани-ни нагаи тэгами-о каиТЭ ИТА. – Вчера, когда он мне позвонил, я писал большое письмо брату;*

18. *Карэ-ва асу-но ситидзи-нива бутай-дэ одотТЭ ИРУ. – В семь часов завтра он будет танцевать на сцене.*

Формы на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* соотносят с русским НСВ, находя сходства между ними, прежде всего в значении актуального процесса. Ср.:

19. *Боку-ва има соно хон-о ёйдЭ ИРУ. – Я сейчас читаю эту книгу;*

20. *Боку-ва има кабэ-ни рампу-о какЭТЭ ИРУ. – Я сейчас вешаю лампу на стену.*

Но между значениями данных японских форм и русским НСВ имеются и существенные различия. Самое главное различие заключается в том, что японская форма на *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)*, образованная от так называемых моментальных глаголов, может иметь результиативное значение, соответствующее русскому СВ. Например:

21. *Карэ-ва кэкконсиТЭ ИРУ. – Он женился* (букв. ‘Он, женившись, женат’);

22. *Карэ-ва нихон-ни киТЭ ИРУ. – Он приехал в Японию* (букв. ‘Он, приехав, находится в Японии’).

Значение формы на *-ТЭ ИРУ* процессуальных глаголов полностью соответствует актуально-процессному значению глаголов НСВ, но точный эквивалент формам на *-ТЭ ИРУ*, образованным от моментальных глаголов (или глаголов изменения), в русском языке часто найти невозможно. Если соответствующий японскому русский глагол переходный, то достаточно адекватно значение его формы на *-ТЭ ИРУ* в русском языке передает результиатив, ср.: *тэрэби-га коварэТЭ ИРУ* [сломать-страд.-ТЭ ИРУ] – ‘Телевизор сломан’, *мадо-га аиТЭ ИРУ* [открываться-ТЭ ИРУ] – ‘Окно открыто’. Но если японский глагол непереходный, то его форму на *-ТЭ ИРУ* на русский язык перевести очень трудно, ср.: *Карэ-ва нэТЭ ИРУ* ‘Он (заснул и) спит’, *карэ-ва софа:-ни суватТЭ ИРУ* ‘Он (сел и) сидит в кресле’.

В семантике формы на *-ТЭ ИРУ* моментальных глаголов выражены две ситуации – предшествующая и последующая, а актуализирована последующая ситуация. Порусски ту же самую денотативную ситуацию можно обозначить либо глаголами НСВ (*спит, сидит*), которые в своей семантике не содержат информации о предшествующей ситуации, либо глаголами СВ (*заснул, сел*), которые актуализируют границу между смежными во времени ситуациями как завершение исходной ситуации и начало последующей (ср. [Князев 1997, 2002; Гловинская 1998]). В случае употребления СВ о последующей результирующей ситуации (о том, что, если кто-то сел, то он сидит, или о том, что, если кто-то заснул, то теперь он спит) можно сделать логический вывод, то есть последующая ситуация выражена имплицитно.

Этими семантическими различиями объясняются расхождения в сочетаемости анализируемых японских форм и глаголов СВ с показателями длительности. Формы на *-ТЭ ИРУ* сочетаются с показателями типа *два часа, типа, долго*, ср.: *карэ-ва моу*

нидзикан нэТЭ ИРУ 'он спит уже два часа'. Актуализация границы, предела между смежными во времени ситуациями в семантике глаголов СВ типа *заснуть* и *сесть* исключает их сочетаемость с показателями незамкнутой длительности.

6. РАЗЛИЧИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЯКМ

6.1. Актуализация различных этапов действия в японских аспектуальных формах глагола и русских видах. Сопоставим выражение протекания действия во времени в русском и японском языках на примере глагола *знать* (*сирУ*). Ментальный процесс, выражаемый данным глаголом, логически проходит три этапа: 1) отсутствие знания (*он не знает – карэ-ва сира-наи*), 2) получение информации (*он узнал, узнает – карэ-ва сирУ, ситТА*) и 3) состояние обладания знанием (*он знает – карэ-ва ситТЭ ИРУ*). Русский глагол *знать* (НСВ) лексикализует третий этап, а *узнать* (СВ) – второй этап. Подчеркнем, что *знать* не содержит информации о предшествующей ситуации получения знания. В японском же языке глагол *сирУ* лексикализует второй этап, а третий этап выражается с помощью формы на *-ТЭ ИРУ*, выражающей результирующее состояние (*ситТЭ ИРУ* 'узнавши, находится в состоянии знания'). Следовательно, в японском языке получение информации выражено в самой глагольной лексеме, а состояние субъекта, получившего информацию, актуализируется грамматически. Поэтому глагол *знать* в русском языке относится к группе глаголов состояния, а японский *сирУ* – к группе глаголов моментального действия (или изменения состояния). Глаголами этого же типа являются также такие глаголы, как *дамарУ – замолчать* (*даматТЭ ИРУ* – 'замолчавши, молчит'); *моцуУ – иметь* (*мотТЭ ИРУ* – 'овладев, имеет'); *синУ – умереть* (*синДЭ ИРУ* – 'умерев, быть мертвым').

Итак, содержательные различия основных аспектуальных форм русского и японского глаголов определяются прежде всего тем, что в сопоставляемых языках при помощи грамматических форм профилируются и формально маркируются разные этапы протекания действия. В русском языке глаголы СВ актуализируют границу (предел) действия, причем терминативные глаголы выражают конечный предел, связанный с достижением результата (*сесть, заснуть*), а нетерминативные глаголы СВ при помощи словообразовательных средств – начальную и/или конечную границу (ср. *залаять, покричать*). В японском языке маркированная аспектуальная форма *-ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА)* профилирует актуальную стабильность процесса или состояния.

6.2. Актуализация границ действия в повествовательных текстах в русском языке в сопоставлении с японским. На основе того, что в русских и японских маркированных аспектуальных формах глагола актуализируются разные этапы протекания действия, можно предположить, что для японского языка идея границы действия, а значит и фазы действия не столь важна, как для русского языка. Этот вывод подтверждает и сопоставительный анализ русских и японских переводов художественных повествовательных текстов.

В приводимых ниже японских предложениях границы действий, сменяющих друг друга, не актуализируются. Они выражаются немаркированными членами оппозиции (*-РУ/-ТА*). В русских эквивалентных предложениях как семантическая доминанта выступает концепт границы, предела действия, который выражается либо глаголами СВ с начинательными приставками *за-* и *по-*, либо парными глаголами СВ. Подробнее о закономерностях употребления претеритальных форм СВ и НСВ в русских повествовательных текстах и о неинтенциональном выражении временной границы между ситуациями см. в [Петрухина 2000а: 76–89; 2000б].

23. *Бокуся-но иригуги-нива инугоя-га ари, кусари-дэ цунагарэта когарана бо:да:кори:-га боку-но сугата-о митэ нисандо хоэТА* [лаять-ТА] (Мураками). – У входа стояла собачья конура; небольшая колли на цепи высочила оттуда и *затяв-кала* (букв. лаяла) при моем появлении (перевод: Коваленин).

24. *Кадзама-ва соно тимэи на но ка намаэ на но ка-о киита кото-га накатта Дага сорэ ери мо саки-ни ко. омотТА [думать-ТА] – матигаинаку коно ба сан-ва икарэтэиру.* (Фудзисава). – *Что это – имя человека, название города? Кадзама никогда не слыхал такого Он подумал: старуха плетет что-то несусветное, это точно* (перевод: Дьяконова).

Частотный для русских повествовательных текстов смысл начала действия при их переводе на японский язык либо передается при помощи сложных глаголов (см пример 25), либо вообще не переводится (пример 23, 24, 26).

25 *Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить. "Ничего не знаю о тебе с тех пор"* (Бунин). – *Хиро то хо син ва кизари, карэ-ва татигару-то юка-о мицумэтамма, кириритосита е су-дэ яккума-о арукидасита [ходить-начал]. Ягатэ татидомару-то сирои хигэ-о сукаситэ као-о акара-мэнагара халаси-хадзимэта [говорить-начал] – Ано коро ираи кими-но кото-ва начихитоцу сиранаинда* (перевод: Хара)

26 *Он встрепенулся вскинулся завертел головой.* (Акунин). – *Фандо.рин-ва вэрэникаэри, натто тобиоките, атама-о атикотини угокасиТА [вертеть-ТА]. Босу-но сицумусицу-дэ нэмуттэита но да* (перевод Нумано).

6.3. Сопоставительный анализ аспектуальной интерпретации одной и той же денотативной ситуации в японском и русском языках. В качестве примера сопоставим начало романа Ясунари Кавабата "Снежная страна" (27а) с английским (27б) и русским переводами (27в)¹⁰.

27а. *Кокэ-но нагаи тонгэру-о нукэру то юкигуни дэ атта Синго-дэ-ни кисяга томата* (Кавабата). – граница-род п. длинный туннель-вин. п. проехать-н вр. [союз] снежная страна была [связка-прош вр.] .. сигнальная станция-предл. п. поезд-им п. останавливаться-прош вр

27б. *The train came out of the long tunnel into the snow country* (перевод: Seidensticker)

27в. *Поезд проехал длинный туннель на границе двух провинций и остановился на сигнальной станции Отсюда начиналась снежная страна* (перевод: Рахим).

Если буквально перевести первое японское предложение на русский язык, то это будет звучать так: **Как проехало длинный туннель, была снежная страна*, то есть в японском предложении не указан агент (*поезд*), который проехал туннель, и не актуализирована граница между смежными ситуациями, сразу идет описание снежной страны Ё. Икэгами отмечает, что данное японское предложение выражает внезапное переключение ситуаций из темного, тесного пространства в туннеле читатель сразу попадает в просторную, светлую перспективу покрытого снегом ландшафта. В японском оригинале как бы меняются кадры двух сцен. Ситуация представляется таким образом, что в один момент мы видим одну ситуацию, а в другой момент мы видим другую ситуацию, происходит как бы смена картин. При этом не фиксируется постепенное изменение, связанное с перемещением актанга, даже сам актанг не отделен от фона, и не актуализируется граница, отделяющая две смежные в пространстве и во времени ситуации [Ikegami 1991, 1993].

В английском и русском переводах назван агент – *поезд*, совершающий действие *проехать*, мы видим сцену с точки зрения отдельного индивидуума, передвигающегося в пространстве. Снежная страна в английском переводе описывается как место направления, а в русском предложении она предстает как новый хронотоп (как единство темпоральной и пространственной ситуации) с актуализацией его начальной границы.

Ё. Икэгами проводит аналогию между аспектуальной системой и грамматической категорией числа. В английском языке (точно так же, как и в русском) грамматическая оппозиция числа имен существительных, по Ё. Икэгами, представляет собой

¹⁰ Показательность данного отрывка была отмечена Е. Икэгами, который сопоставил японский текст с английским переводом 27б [Ikegami 1991: 288; 1993: 802–803]

оппозицию между индивидуумом и группой индивидуумов. В японском языке такой оппозиции нет предметы представлены как некий континуум, они в зависимости от ситуации воспринимаются либо в их единичности, но как часть континуума, либо в виде собирательной множественности [Жегамы 1991: 291–293; 1993: 809–811]. Аналогично в японском языке не актуализируется концепт границы (предела) действия и соответственно внутренняя темпоральная структура действия. Поэтому в японской аспектуальной системе противопоставление гетерогенных и гомогенных, терминативных и нетерминативных действий не является релевантным, тогда как для русской аспектуальной системы данные смыслы очень важны. Маркированная аспектуальная форма японского глагола на *-ТЭ ИРУ* актуализирует наличие **стабильной ситуации (процесса или состояния) в конкретный момент времени**¹¹.

Таким образом, даже тот ограниченный русский и японский материал, который мы рассмотрели, свидетельствует о существенных семантических различиях в организации аспектуальных систем русского и японского языков. В русских и японских аспектуальных глагольных формах маркируются разные этапы протекания действия во времени, это определяет категоризацию разных концептов, связанных с представлением действий, процессов и состояний в ЯКМ. Для русской аспектуальной системы важна прежде всего идея **предела** (или "критической точки") [Плунгян 1998: 377] в развитии действия, его границы. Концепт предела актуализирует представления о темпоральной структуре ситуации, об изменениях в актантах действия, отражающихся в таких аспектуальных понятиях, как гетерогенность/гомогенность, терминативность/нетерминативность действия. Более того, идея **границы** между смежными во времени ситуациями становится доминантой при повествовании о последовательных событиях в плане прошедшего времени. Для японской аспектуальной системы названные понятия нерелевантны, комплетивность выражается немаркированной формой (*-ПУ/-ТА*), маркируется же (в формах *-ТЭ ИРУ/-ТЭ ИТА*) **стабильность ситуации** (процесс единичного либо повторяющегося действия, результирующее состояние, а также свойство или отношение), синхронной моменту наблюдения. Как мы видели, семантические различия в маркированных аспектуальных формах и аспектуальных оппозициях влияют на интерпретацию сходных денотативных ситуаций в русской и японской ЯКМ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1984 – В М Алпатов О семантике последовательностей *-тэ оку, -тэ миру, -тэ симайу* // Новое в японской филологии. М., 1984
Алпатов 1986 – В М. Алпатов Вспомогательные глаголы длительности состояния в японском языке // Актуальные проблемы японского языкознания М., 1986
Алпатов 1998 – В М Алпатов. Нестандартные видовые категории в современном японском языке // Типология вида проблемы, поиски, решения М., 1998
Бондарко 1971 – А.В Бондарко Вид и время русского глагола М., 1971
Бондарко 1987 – А В Бондарко Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987
Бондарко 1991 – А В Бондарко Предельность и глагольный вид (на материале русского языка // ИАН СЛЯ. 1991. № 3

¹¹ Выявленные особенности семантики аспектуальных форм японского глагола и русских видов, конечно, не исчерпывают всех содержательных различий между аспектуальными системами двух языков Так для русского языка характерна связь формальной оппозиции глаголов НСВ и СВ не только с собственно аспектуальными, но и другими, в частности прагматическими смыслами (возможности/невозможности, ожидаемости действия, предостережения и др.), выражаемыми имплицитно В японском языке подобные смыслы выражаются эксплицитно, в том числе сложными глаголами, кроме того, сама система таких смыслов в русском и японском языках не совпадает Данный вопрос требует специального изучения

- Бондарко 1994 – *А.В. Бондарко*. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // ВЯ. 1994. № 2.
- Вежбицкая 1996 – *А. Вежбицкая*. Язык, культура, познание. М., 1996.
- Виноградов 1972 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1972
- Гловинская 1998 – *М.Я. Гловинская*. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Головин 1954 – *И.В. Головин*. Длительный вид в современном японском языке // Труды ВИЯ. Т. 6. М., 1954
- Данилов 2001 – *А. Ю. Данилов*. Японский язык. Глагол: категория вида. М., 2001.
- Демьянков 1992 – *В.З. Демьянков*. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Князев 1997 – *Ю.П. Князев*. Параметры для типологии вида и русский вид // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1997.
- Князев 2002 – *Ю.П. Князев*. Фазы действия и метонимические сдвиги в значении видо-временных форм // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Конрад 1937 – *Н.И. Конрад*. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937
- Кошмидер 1962 – *Э. Кошмидер*. Очерк о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Кубрякова 1988 – *Е.С. Кубрякова*. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Лаврентьев 1998 – *Б.П. Лаврентьев*. Практическая грамматика японского языка. М., 1998.
- Маслов 1948 – *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4
- Маслов 1963 – *Ю.С. Маслов*. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М., 1963.
- Маслов 1978 – *Ю.С. Маслов*. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Маслов 1983 – *Ю.С. Маслов*. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Мелиг 1995 – *Х.Р. Мелиг*. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // Семантика и структура славянского вида. Т. 1. Kraków, 1995.
- Недялков 1988 – *В.П. Недялков*. Типологизация языков по признаку наличия многозначных глагольных форм с прогрессивным и перфектным значениями // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988.
- Падучева 1986 – *Е.В. Падучева*. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
- Падучева 1996а – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1996б – *Е.В. Падучева*. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave* V 5. Padova, 1996.
- Петрухина 1994 – *Е.В. Петрухина*. Грамматические значения и языковая модель мира // Ломоносовские чтения 1994. М., 1994
- Петрухина 2000а – *Е.В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Петрухина 2000б – *Е.В. Петрухина*. Особенности употребления и семантики видов в повествовательных текстах (на материале русского и западнославянских языков) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.
- Петрухина 2003 – *Е.В. Петрухина*. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. Т. 1. СПб., 2003.
- Плунгян 1998 – *В.А. Плунгян*. Перфектив, компетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Соколов 1988 – *О.М. Соколов*. Семантика категории фазовости русского глагола // ИАН СЛЯ. 1988. № 6.
- Сыроматников 1971 – *Н.А. Сыроматников*. Система времени в японском языке. М., 1971.
- ТРК 1983 – Типология результативных конструкций. Л., 1983.

- Фельдман 1960 – *Н.Н. Фельдман* Японский язык. М., 1960.
- Холодович 1941 – *А.А. Холодович* Из истории японской лингвистики // ИАН СЛЯ. 1941. № 1.
- Холодович 1979 – *А.А. Холодович* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Иноуэ 2001 – *Иноуэ Масару* Гэндаи нихонго-но "ТА" ("ТА" в современном японском языке) // "ТА"-но гэнгогаку. Токио, 2001.
- Киндайти 1976 – *Киндайти Харухико*. Нихонгодо:си-но тэнсу-то асупэкуто (Время и аспект глаголов японского языка) // Нихонго до:си-но асупэкуто. Токио, 1976.
- Кудо 1982 – *Кудо. Маюми Ситэиру* кэ сики-но имикидзюцу (Семантическое описание формы *ситэиру*) // Мусаси дайгаку дзимбунгаккай дзасси. Токио, 1982. Т. 13. № 4.
- Кудо 1986 – *Кудо. Маюми*. Асупэкуто-ни цуитэ-но обозгаки (Заметки о японском аспекте) // Кокубунгаку-каисяку то кансэ. Токио, 1986. Т. 51. № 1.
- Кудо 1995 – *Кудо. Маюми* Гэндаиго-но асупэкуто-тэнсу (Аспект и время в современном японском языке) Токио, 1995
- Нитта 1993 – *Нитта Ёсио*. Гэндаиго-но бумпо -бумпо.рон (Грамматика и грамматическая теория современного японского языка) // Нихонго ё:сэцу. Токио, 1993.
- Окуда 1977 – *Окуда Ясуо*. Асупэкуто-но кэнкю.-о мэгуттэ: Киндайти-тэки данкай (Об изучении аспекта на этапе Киндайти) // Кокуго Кокубун. Мияги кё:ику дайгаку. Токио, 1977. № 8
- Окуда 1978 – *Окуда Ясуо* Асупэкуто-но кэнкю.-о мэгуттэ (Об изучении аспекта) // Кё:икуко-куго Токио, 1978. № 53.
- Оноэ 2001 – *Оноэ Кэйсукэ* Бунро:-то ими (Грамматика и значение). Токио, 2001.
- Судзуки 1972 – *Судзуки Сигэюки* Нихонго бумпо. Кэитаирон (Морфология японского языка). Токио, 1972.
- Тэрамура 1984 – *Тэрамура Хидэо* Нихонго-но синтакусу-то ими (Синтаксис и семантика японского языка). Т. 2. Токио, 1984
- Durst-Andersen 1992 – *P. Durst-Andersen* Mental grammar. Russian aspect and related issues. Slavica Publishers. Columbus. Ohio, 1992
- Ethnolinguistics 1979 – Ethnolinguistics Boas, Sapir and Worf revised / Ed. by M. Mathiot. The Hague, 1979.
- Ikegami 1991 – *Ikegami Yoshihiko*. 'DO-language' and 'BECOME-language': Two contrasting types of linguistic representation // Yoshihiko Ikegami (ed.) The Empire of signs: Semiotic essays on Japanese culture. Amsterdam, 1991.
- Ikegami 1993 – *Ikegami Yoshihiko* What does it mean for a language to have no singular-plural distinction? Noun-Verb homology and its typological implication // Richard A. Geider, Brygida Rudzka-Ostyn (ed.) Conceptualizations and mental processing in language. Berlin; New York, 1993.
- Language 1995 – Language and the cognitive construal of the world / Ed. by J. R. Taylor, R. E. MacLaury. Berlin; New York, 1995.
- Vendler 1967 – *Z. Vendler*. Verbs and times // Linguistics in philosophy. New York, 1967.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

- Б. Акунин Азазель. М., 1998 Перевод на японский язык: *Нумано Ке ко* Отита тэнси: Азазэру Токио, 2001.
- И.А. Бунин. Темные аллеи // Темные аллеи Париж, 1995. Перевод на японский язык: *Хара Такуя*. Кураи намикимити // Край намикимити. Токио, 1998
- Б. Пастернак Доктор Живаго. М., 2003 Перевод на японский язык: *Эгава Таку*. Доктору Дзиваго Токио, 1989.
- Кавабата Ясунари* Юкигуни Токио, 1947. Перевод на английский язык: *E.J. Seidenstucker*. Snow country. Токио, 1957 Перевод на русский язык: *З. Рахим*. Снежная страна М., 1971.
- Мураками Харуки* Хишудзи-о мэгуру бо кэн. Токио, 1985. Перевод на русский язык: *Д. Коваленин*. Охота на овец. СПб., 1998.
- Огава Ёко*. Сисю:суру сё:дзо. Токио, 1996. Перевод на русский язык: *Т. Розанова*. Девочка за вышиванием // Она. Новая японская проза. М., 2001.
- Фудзисава Сю.* Буэносу Аирэсу годзэн рэ:дзи. Токио, 1998. Перевод на русский язык: *Е. Дьяконова* Полночь в Буэнос-Айресе // Он. Новая японская проза. М., 2001.
- Ямада Эми* Баннэн-но кодомо Токио, 1991. Перевод на русский язык: *Г. Дуткина* На "зака-те жизни" // Она. Новая японская проза. М., 2001.